

Пришёл домой, и тут сообщение на телефон: «Сегодня умер Николай Коняев...»

Никак не хотелось в это верить. Вошёл в интернет. Да: «Сегодня в 13 часов 05 минут на 70-м году жизни умер Николай Михайлович Коняев». Жаль. Как жаль!

И горько от того, что понимаю — больше никогда не увидимся. Я не передам Николаю Михайловичу номера журнала «Вертикаль. XXI век», которые хотел передать — и с его публикациями, и с продолжением моих дневников «Искры потухающих костров. Разворачивая свиток времени» (я так хотел, чтобы он их прочитал!). Теперь не позвонить, не написать письмо в электронной почте. Всё оборвалось! Всё...

По настоящему мы познакомились не так давно — в Санкт-Петербурге при вручении мне Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского в Александро-Невской лавре. До этого встречались походя, случайно. Я книги и публикации Николая знал. Он мой — не знаю, не спрашивал. Хотя на страницах одних и тех же журналов наши публикации встречались.

Тогда после торжества мы до глубокой ночи сидели в каком-то армянском ресторане на Невском проспекте — большом, помпезном — недалеко от площади Александра Невского. Зал был совершенно пустым, а мы тесной компанией (Коняевы Николай и Марина, Владимир Личутин, Андрей Ребров, Павел Кренев и я) весело пировали, душевно пели песни советских времён. Было нам тогда в пустом зале по-домашнему уютно, тепло друг с другом. Во всяком случае, так мне казалось. Тогда-то я и попросил Николая что-либо прислать из своих произведений нам в журнал.

Вышли из ресторана в зимний заснеженный город в четвёртом часу ночи. Я остановился в гостинице лавры, и так как ворота её на ночь закрываются, то вряд ли у меня бы получилось туда попасть. (Так я думал, но ошибался — привратник всю ночь меня ждал.) Невский загорожен белейшим нетронутым снегом (город в этот час пуст), фонари светят густым оранжево-красным тёплым светом.

— Поедемте, Валерий, к нам ночевать. Мы живём недалеко от Московского вокзала, — предложила Марина. У нас квартира на целый этаж, — и засмеялась, — это я так всех изумляю. На самом деле она небольшая, хотя одна на этаже.

Но мы с Владимиром Личутиным поехали к Кренёву.

На этот раз я увозил из Санкт-Петербурга первую подаренную мне Коняевым книгу «Рубцовский вальс». Начал её читать ещё на вокзале, не прекращал и в поезде, пока не прочитал удивительные документальные очерки о Сергее Есенине, Михаиле Шолохове (взгляд Николая Михайловича на роман «Поднятая целина» замечателен своей оценочной самостоятельностью, новизной — кажется, уж кто только не писал об этом

классическом произведении, но Коняев в его оценке расставляет свои приоритеты), Валентине Пикуле, Борисе Шергине...

Однако в гости к Коняеву я всё-таки попал. Это случилось позже, через несколько месяцев. Меня вновь пригласили в Санкт-Петербург, в преддверии ежегодной книжной выставки, что проходит в северной столице. В тот день нас несколько человек (я, Игорь Смолькин, Василий Дворцов, Николай Коняев) приехало в офис журнала «Родная Ладога», а уже оттуда, только без Андрея Реброва, вернулись в центр города на улицу Разъезжую — там жил Николай Михайлович, а напротив его дома находилась наша гостиница. Довольно быстро допив вино, друзья наши ушли отдыхать, а мы с Николаем ещё пытались играть в шахматы (да какой из меня игрок!), смотрели книги в его замечательной библиотеке.

Увидев большую подборку магнитофонных кассет, я попросил хозяйку включить «Перезвоны» Валерия Гаврилина, чем Николая Михайловича несколько удивил («Это такая тонкая музыка...»), но просьбу мою он выполнил. «Перезвоны» же я попросил послушать, потому что помнил очерк Коняева о Валерии Гаврилине, написанный с глубокой любовью к произведениям композитора. Когда хозяин перебирал кассеты, я увидел, что в большой фонотеке писателя полный порядок с неслучайным подбором. У меня, к сожалению, всё не так. Даже этому у Коняева стоило поучиться.

Было совсем поздно, когда мы стали расставаться. Николай Михайлович вновь гостеприимно предложил переночевать у него, но гостиница располагалась через дорогу, только пройти двор и подворотню, и я ушёл в ночь, забрав с собой подаренную книгу (Н.М. Коняев, А.А. Образцов. «Застигнутые ночью». — С-Пб. Русский остров, 2013) с такой авторской надписью: «Валерию, застигнутому ночью, но не сдавшемуся. Дружески. 23. 04. 2015 г. Николай Коняев».

На следующий день, уже более тесной группой, мы вновь заходили в квартиру на Разъезжей — вручали хозяину медаль от Краснодарской писательской организации (привёз Василий Дворцов), фотографировались. Я теперь сожалею, что эти снимки так до меня и не дошли. Какая бы осталась память.

Тогда я обратил внимание на небольшую бронзовую скульптурку (человек сидит на городской скамейке — если что-то не путаю). Как сказал Николай — это его портрет, подаренный скульптором.

Вот и скульпторы его любили. Если бы было не так, стал бы один из них создавать портрет писателя.

Понимаю, что сейчас сумбурно вспоминаю о всяких мелочах. Но не улеглось ещё в сознании понимание того, что непоправимое, действительно, произошло, и ничего уже не вернуть, не пережить заново, набело. Ведь тогда иначе (если бы знал!) и о другом говорил с писателем при нечастых наших встречах. Теперь ничто более «глобальное» по сравнению с тем, что произошло, что бы было хоть приблизительно равное ему по значимости, в голову не идёт.

Николай Михайлович Коняев — писатель неповторимого интеллектуального темперамента. О чём бы он ни писал (а сотворено им чрезвычайно много!) — всегда получалось оригинально, самостоятельно, зачастую полемично (что касается истории, литературоведения, политики) с уже устоявшимися точками зрения.

Коняев работал над своими произведениями основательно — ездил по стране, просиживал в архивах, открывал никому до него неизвестные документы. Потому-то и имел полное право на своё мнение — не заимствованное из чужих книг, не вычитанное у тех, кто их пересказывал, а осмысливая первоисточники, владея первичной информацией.

Так именно лекции Коняева многое мне объяснили в значении для России подвига государя Николая II. В поступках, решениях последнего российского царя. Хотя до этого чего только по этому вопросу мною не читалось — от «Воспоминаний последнего протопресвитера русской ар-

мии и флота» Георгия Шавельского до «Царствование императора Николая II» С.С. Ольденбурга и далее, далее, до последних публикаций наших дней. И только слово Коняева внесло в моё сознание в этом вопросе ясность. Потому что его слово было просто и глубоко одновременно, открывая при этом духовный смысл жизни и служения помазанника Божия.

Впрочем — почему было. Всем советую смотреть и пересматривать записанные выступления писателя, теперь размещённые в интернете.

Когда мы встречались в северной столице, почти всегда Коняев дарил мне какие-либо свои книги, и все их с жадностью я начинал читать немедленно, в этот же вечер в гостинице, продолжал в поезде. Тут я могу вспомнить, кроме уже названных ещё и «Лихие и святые девяностые».

Однако, именно «Застигнутые ночью» имели и для моей творческой судьбы большое значение.

Именно после прочтения этой книги я во многом определился с публикацией рукописи «Искры потухающих костров. Разворачивая свиток времени».

Мои дневники, пусть не все, но, всё-таки, значительной своей частью, были уже набраны, а я всё никак не мог для себя решить — стоит их публиковать, предавать огласке, или нет. Интересны ли они будут читателям? Этот вопрос неотступно меня мучил. И неизвестно, решился бы я на тот шаг, на который, в итоге, решился, если бы не прочтение книги Николая Михайловича.

В одну из своих последних поездок в Санкт-Петербург, в 2017 году, я подарил Николаю Михайловичу, в ответ на им подаренные «Лихие и святые девяностые» номера журнала «Вертикаль. XXI век» (№ 49, 50) с первоначальными главами (2003 — 2009 гг.) своей подобной книги «Искры потухающих костров. Разворачивая свиток времени», и получил от него такую весточку: «Ваши дневники в журнале я прочитал с величайшим интересом. 1.10.2017 г.». Не скрою — такая оценка Коняевым моих записей меня чрезвычайно вдохновила. И я ждал возможности привезти ему в Питер журналы с продолжением книги... Теперь это ожидание несбыточно.

За годы нашего знакомства, в «Вертикаль. XXI век» мы успели опубликовать уже известные работы писателя (да, столь разорвано нынче литературное пространство в России, что не грех и повторить публикацию известного, если многим читателям не суждено этого ещё было прочитать): «Дорога в империю» (№ 44, 45, 47) и отрывок из очерка «Командировка на родину отца» (№ 52).

Не часто такое случается в судьбе писателя, чтобы спутница жизни была ещё и соавтором книг, знатоком творчества своего супруга, составителем его библиографии. Я думаю, что Марина тщательно разберёт архив Николая Михайловича и продолжит публикацию его дневников. Я с нетерпением буду этого ждать и, конечно, готов для этого предоставить и страницы нашего журнала.

В памяти всплывают воспоминания встреч (последняя, кажется, случилась в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя — тогда Николай так добро, доверительно, по-товарищески ткнулся своей головой в мою голову, вместо того, чтобы поздороваться за руку), и от того в сердце беспокойное чувство горечи.

Сейчас для меня это как-то выглядит особенно, но когда Николай был смертельно болен (я этого, конечно, не знал), в это самое время я читал его роман «Протопоп Аввакум и закопанные и сожжённые».

В который раз в интернете стал пересматривать сюжеты, записанные Николаем Михайловичем для портала «Русская народная линия», и вдруг осознал — никуда Коняев от нас не ушёл, он навсегда с нами со своим спокойным, сдержанным, мудрым словом — написанным и произнесённым. Но неизмеримо большей частью — всё-таки написанным.

Вечная Вам память, дорогой Николай Михайлович, и вечная жизнь.

16 сентября 2018 г.